

воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Белое движение
и борьба добровольческой армии
Май – октябрь 1918

Очерки русской смуты

Антон Деникин

**Белое движение и борьба
Добровольческой армии**

«Public Domain»

Деникин А. И.

Белое движение и борьба Добровольческой армии /

А. И. Деникин — «Public Domain», — (Очерки русской смуты)

В данной книге автор рисует политическую карту Российского государства к середине 1918 года, рассказывает о внутренней жизни Добровольческой армии, а также о военных действиях с ее участием, описывает события, связанные с образованием «Особого совещания».

© Деникин А. И.

© Public Domain

Содержание

Глава I. Внешние затруднения Добровольческой армии: отношения с донским атаманом	5
Глава II. Конституция добровольческой власти. Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги	12
Глава III. Внутренняя жизнь Добровольческой армии: традиции, вожди и воины. Генерал Романовский. Кубанские настроения. Материальное положение. Сложение армии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Антон Иванович Деникин

Очерки русской смуты

Том III. Белое движение и борьба Добровольческой армии

Глава I. Внешние затруднения Добровольческой армии: отношения с донским атаманом

Наиболее тяжелые отношения установились у нас с донским атаманом.

На небольшом клочке освобожденной от большевиков русской земли двум началам, представленным, с одной стороны, генералом Красновым, с другой – генералом Алексеевым и мною, очевидно, оказалось тесно. Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, полное расхождение в стратегических взглядах и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и на «будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России. Он, Краснов, обладающий территорией, «народом» и войском, в качестве «верховного вождя Южной Российской армии»^[1] брал на себя задачу – ее руками – освободить Россию от большевиков и занять Москву^[2]... На этом же пути стояла другая сила – пока еще «бездомная», но с непререкаемым общерусским авторитетом бывшего верховного генерала Алексеева и с большим моральным весом и боевой репутацией Добровольческая армия.

Обе стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимым объединение вооруженных сил и обе не могли принести в жертву свои убеждения или предубеждения. На этой почве началась длительная внутренняя борьба – методами, соответствовавшими характеру руководителей... В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению Вооруженных Сил Юга путями легальными, атаман Краснов желал подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армию; какими средствами – безразлично.

Началось еще в мае, когда неожиданно атаманским приказом все донские казаки были изъяты из рядов Добровольческой армии, что расстроило сильно некоторые наши части, особенно Партизанский и конный полки. Мне пришлось поблагодарить донцов и отпустить их, чтобы не обострять положения и не создавать картины развала... В краткий период кризиса, пережитого Добровольческой армией^[3], отдельные лица, иногда небольшие части, дезертировали из армии на службу на Дон, встречая там радушный прием. Был даже случай, что целый взвод с оружием и пулеметами под начальством капитана Корнилова^[4] бежал в Новочеркасск; с ним ушел также офицер штаба армии лейтенант флота Поздеев и... мой конный вестовой-текинец; характерная мелочь – последний ушел одвуконь, украв, кстати, мою лошадь. Штаб вел по этому поводу переписку, но безрезультатно. Все проходило совершенно безнаказанно. Между тем переход в Добровольческую армию, хотя бы и легальный, расценивался совершенно иначе. Помню, какой гнев вызвало впоследствии формирование донским генералом Семилетовым после долгих переговоров партизанского отряда в Черноморской губернии

¹ Соединенные Южная, Астраханская и Народная. (Здесь и далее примечания автора.)

² Речь в Таганроге. Приазовский край. 1918. № 178.

³ Май

⁴ Однофамилец генерала

из донских граждан, не обязанных службой на Дону^[5]. Отряд не представлял из себя сколько-нибудь серьезной силы и, конечно, не мог иметь никакого политического значения – по крайней мере, я не допустил бы этого. Но генерал Краснов считал, что цель Семилетова, «находящегося всецело в руках кадетской партии... поднять казаков против правительства и свергнуть его, атамана, с должности»^[6]. В июне генерал Эльснер просил разрешения генерала Краснова при влечь на службу в армию иногородних Донской области и получил отказ, мотивированный тем, что «неокрепшие еще местные власти не в состоянии будут заставить иногороднее население выполнить приказ»^[7]. Через несколько дней атаман однако, отдал приказ о наборе иногородних Дона, формируя из них полк, кадром для которого послужили... следовавшие в Добровольческую армию офицеры лейб-гвардии Измайловского полка. Он откровенно высказывал генералу Алексееву^[8] надежду, «что получит гвардейских офицеров от всех полков гвардии»^[9]. Но измайловцы не пошли, а инициатор этой затеи, полковник Есимантовский, формировавший полк (потом бригаду) при помощи нескольких офицеров лейб-гвардии Финляндского полка, через два месяца, подчиняясь общему настроению, писал уже покаянное письмо генералу Алексееву^[10]: целью его было только «привести в Добровольческую армию готовый полк без расходов от нее». Есимантовский испрашивал указаний, «когда и как сделать переход в армию...»

Наиболее осложнений доставил вопрос с отрядом полковника Дроздовского. Прибыв в Новочеркасск 25 апреля, Дроздовский в тот же день донес мне, что «отряд прибыл в мое распоряжение» и «ожидает приказаний». Но время шло, назревал 2-й Кубанский поход, а начало его все приходилось откладывать: более трети всей армии – бригада Дроздовского – оставалось в Новочеркасске. Это обстоятельство препятствовало организационному слиянию ее с армией, нарушало все мои расчеты и не давало возможности подготовить операцию, о которой было условлено с генералом Красновым 15 мая^[11]. По просьбе Краснова отряд Дроздовского разбрасывался частями по области: конница дралась в Сальском округе, пехота употреблялась на «очистку от большевиков» Ростова и Новочеркасска на карательные экспедиции по крестьянским деревням севера области. Я требовал присоединения бригады; Дроздовский ходатайствовал об отсрочке для отдыха, организации и пополнения. Краснов упрасивал Дроздовского не покидать Новочеркасск – публично, на параде перед строем, и более интимно в личных разговорах с Дроздовским. Атаман порочил Добровольческую армию и ее вождей и уговаривал Дроздовского отложиться от армии, остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движение под общим руководством Краснова^[12]. Слухи об этих переговорах и якобы колебаниях Дроздовского^[13] дошли до офицеров его отряда и вызвали среди них беспокойство. По просьбе офицеров командир сводно-стрелкового полка полковник Жебрак обратился по этому поводу к Дроздовскому и получил от него успокоительное заверение. Позднее Дроздовский так писал мне о новочеркасских интригах:

⁵ Такой набор разрешался всем армиям, кроме Добровольческой. Приказ Войску Донскому № 921

⁶ Отчет о разговоре генералов Краснова и Эльснера 18 октября

⁷ Доклад генерала Эльснера 7 июня. № 144

⁸ Письмо генерала Алексеева мне от 26 июня. № 59

⁹ Гвардейцы собирались тогда при 1-м Офицерском полку Добровольческой армии

¹⁰ От 31 августа

¹¹ Свидание в Манычской

¹² Доклад полковника Дроздовского

¹³ Долго еще Краснов в заседаниях правительства, немцам и вообще при всяком удобном случае повторял, что «отряд полковника Дроздовского покинет Добровольческую армию и перейдет на службу к Донскому или Астраханскому (?) войску». Протокол заседания 26 июня

«Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы...»

Я ждал присоединения отряда, без чего нельзя было начинать операцию, атаман всемерно противился этому и в то же время... «настаивал на немедленном наступлении – надо использовать настроение казаков, их порыв, надо воспользоваться растерянностью комиссаров...»

После беседы с Жебраком Дроздовский приехал в Мечетинскую, отряд его был зачислен в качестве 3-й бригады в Добровольческую армию и 23 мая выступил на соединение с ней.

Все эти неудачи не останавливали, однако, атамана перед попытками создания подчиненной ему Российской армии. Свое недоумение он высказал однажды в письме к генералу Алексееву^[14]: «...на земле Войска Донского, а теперь и вне ее я работаю совершенно один. Мне приходится из ничего создавать армию... снабжать, вооружать и обучать ее. В Добровольческой армии много есть и генералов, и офицеров, которые могли бы взять на себя работу по созданию армий в Саратовской и Воронежской губерниях, но почему-то они не идут на эту работу...» Краснов не хотел понять, что его попытки обречены на неуспех просто в силу психологии русского генералитета и офицерства, глубоко чуждой основным положениям атаманской политики. Попытки, вместе с тем неизбежно, даже независимо от чьей-либо злой воли, ослаблявшие и расстраивавшие Добровольческую армию.

Ввиду явной неудачи формирования Южной армии руководители ее вынуждены были передать ее в полное подчинение генералу Краснову^[15]. 30 сентября состоялся атаманский приказ о создании Особой Южной армии, в составе которой должны были формироваться три корпуса: Воронежский (бывшая Южная армия), Астраханский (бывшая Астраханская армия) и Саратовский (бывшая Русская народная армия). На новую армию возлагалась «защита границ Всевеликого войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождение Российского государства».

Возник вопрос о возглавлении армии генералом с общероссийским именем, чтобы привлечь таким образом офицерство. Но такого найти не удавалось. С генералом Щербачевым, жившим в Яссах, атаман не смог войти в связь. Генерал Драгомиров, проезжая в августе из Киева через Новочеркасск, «умышленно уклонился от встречи с Красновым», ибо – как он писал мне впоследствии^[16] – «мы стояли на столь различных точках зрения в вопросе о дружбе с немцами, что наш разговор мог бы иметь результатом только крупную ссору, с чего мне вовсе не хотелось начинать свою деятельность на Юге России». Тем не менее 30 сентября Краснов обратился к Драгомирову^[17] с предложением принять новую армию. Горячий Драгомиров ответил, что в этом формировании он «видит продолжение той же немецкой политики – *divide et impera*^[18] – которая привела нашу Родину к пропасти», и потому «предложение этого поста равносильно (для него) оскорблению...»^[19]

¹⁴ От 8 сентября. № 172

¹⁵ С ноября после падения немцев средства – 76 миллионов – обязался доставить гетман. Но до своего падения отпустил только 4? миллиона

¹⁶ Письмо от 3 августа 1922 г. в опровержение слов генерала Краснова о личных переговорах с ним. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции

¹⁷ Тогда уже помощнику главнокомандующего Добровольческой армией

¹⁸ Разделяй и властвуй (лат.)

¹⁹ Письмо от 12 октября. № 148. Я ознакомился с его содержанием только после отправки.

Остановился Краснов на Н. И. Иванове. К этому времени дряхлый старик, Н. И., пережив уже свою былую известность, связанную с вторжением в 1914 году армий Юго-Западного фронта в Галицию, проживал тихо и незаметно в Новочеркасске. Получив предложение Краснова, он приехал ко мне в Екатеринодар, не желая принимать пост без моего ведома. Я не противился, но не советовал ему на склоне дней давать свое имя столь сомнительному предприятию.

Однако, вернувшись в Новочеркасск, Иванов согласился.

25 октября мы прочли в газетах атаманский приказ о назначении Н. И., заканчивавшийся словами:

«Донские армии восторженно приветствуют вождя их новой армии –
армии Российской...»

Бедный старик не понимал, что нужен не он, а бледная уже тень его имени. Не знал, что пройдет немного времени и угасшую жизнь его незаинтересованный более Краснов передаст истории с такой эпитафией: «Пережитые им (генералом Ивановым) в Петербурге и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так любил, а вместе с тем и немолдые уже годы его отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности...»

Генерал Иванов умер 27 января, увидев еще раз крушение своей армии, особенно трагическое в войсках Воронежского корпуса^[20].

Я шел с армией походом, вел ежедневно кровавые бои, требовавшие большого нравственного напряжения и известного душевного равновесия... А из нашего тыла, из Новочеркасска, все чаще шли вести, возмущающие и волнующие. Это были не просто слухи, а факты, документы, основанные на словесных и письменных излияниях не в меру злобствовавших ненавистников Добровольческой армии.

Атаман в заседаниях правительства, в речах и беседах, командующий Донской армией генерал Денисов публично в офицерских собраниях поносили и Добровольческую армию, и вождей ее. Поносили все – нашу стратегию, политику нравственный облик начальников и добровольцев. «Достоверные сведения» о полном развале Добровольческой армии были любимой темой донских руководителей^[21].

Даже самый поход наш был заранее опорочен. В заседании 26 июня Краснов заявил^[22], что Добровольческая армия «оставила без всякого предупреждения Донского правительства в ночь 11 июня линию Мечетинская-Кагальницкая, чем Донская армия поставлена в крайне тяжелое положение, ибо получилось обнажение фронта». Этот упрек брошен был армии, двинутой во 2-й Кубанский поход, имевший одной из ближайших задач освобождение Задонья и тот общий результат, который в отчете Кругу Денисова выражен был следующими словами: «Быстрое движение войск и начало очищения Сальского округа обозначились после успехов Добровольческой армии, взявшей Торговую... Освободились (также) от противника южные части Ростовского и Черкасского округов, отпала угроза Новочеркаску с юга, и вместе с тем мы смогли за счет азовского и тихорецкого направлений усилиться на других фронтах, а с прибывшими подкреплениями перейти к более активным действиям...»

Отношения верхов отражались в низах – особенно в буйном, несдержанном новочеркасском тылу. На этой нездоровой почве пьяный скандал разрастался в событие, перебранка подгулявших офицеров – в оскорбление Донского войска или Добровольческой армии. Были, конечно, и чисто бытовые причины недоразумений между «хозяевами» и «пришельцами».

²⁰ Бывшая Южная армия

²¹ Письма генерала Алексева и отчеты о заседаниях

²² Из протоколов заседаний

«Хозяева» были замкнуты в кастовых перегородках, несколько эгоистичны и не слишком приветливы. Но если правы были добровольцы, жалуясь неоднократно на дурное отношение к ним казаков, то и те имели не раз основание для такого отношения в поведении части добровольческого офицерства, в их нескромной самооценке, в полупрезрительном отношении к донским частям, наконец, в «назойливой бравате монархическими идеями». Правда, эти отношения складывались резко только в тыловых гарнизонах, а если и отражались в армии, то в гораздо более умеренных формах. Вообще же в массе своей добровольчество и донское казачество жили мирно не следуя примеру своих вождей.

Очевидно, в этой распри были не совсем правы и мы. Генерал Алексеев писал мне 26 июня:

«Отношения (между атаманом и Добровольческой армией) не хороши и вредят нам сильно... В особенности, принимая во внимание, что генерал Денисов совсем не принадлежит к числу наших друзей. Примеру главных деятелей следуют исполнители. Полагаю, что в некоторых случаях нужно изменить тон наших сношений, так как в создавшейся атмосфере взаимного раздражения работать трудно. И только когда мы окончим счета, можно будет высказать все накипевшее на душе за короткое время с 15 мая».

М. В. упустил из виду одно – что почти вся ориентировка с Дона исходила от него^[23]. Только что он умел обыкновенно облекать эти отношения во внешние дипломатические формы, я же не постиг этого искусства. Каждое его письмо дышало недоверием и осуждением общей политики атамана и Денисова и их отношений к Добровольческой армии. Насколько глубоко было это недоверие, видно из переписки между ними, имевшей место в августе.

10 августа генерал Алексеев, находившийся тогда в Екатеринодаре, под влиянием донесений из Новочеркасска телеграфировал Краснову^[24]:

«Негласно до меня доходят сведения, что предполагаются обыски и аресты моего политического отдела^[25]. Если это правда, то такой акт, ничем не вызванный, будет означать в высокой мере враждебное отношение к Добровольческой армии. Разве кровь армии (пролитая) за Дон позволяет такой унижительный шаг?»

Генерал Краснов, вероятно, искренно ответил:

«Я удивляюсь, что Ваше Высокопревосходительство допускаете думать, что такой акт к дружеской нам Добровольческой армии возможен. Прошу арестовать как злостных провокаторов лиц, распускающих такие слухи. Враги Дона ни перед чем не стесняются, чтобы вызвать вражду и недовольство в той армии, которой Дон так многим обязан и в которой видит будущее России...»^[26]

²³ Генерал Алексеев жил тогда в Новочеркасске

²⁴ № 187

²⁵ Отдел оставался еще в Новочеркасске

²⁶ 3 августа. № 551.

Как жаль, что в то же время у атамана и Денисова не находилось для этого «будущего России» иного эпитета, чем «странствующие музыканты» или «банды»!

В случайном признании атаманом значения армии было, вероятно, и некоторое отражение донских настроений... Ведь не только пафос и правила вежливости или «кадетская интрига» руководили Большим войсковым Кругом – тем самым «мудрым» Кругом, который переизбрал атамана Краснова, когда Круг, собравшись осенью 18 года, обратился к армии с ответным приветствием:

«...С чувством глубокой радости (мы) выслушали братский привет и пожелания успеха в нашей работе. Слухи, доносившиеся к нам даже в самые отдаленные хуторские углы о нарушенных сердечных отношениях с вами, тревогой и скорбью отзывались в наших сердцах. Но теперь тревога рассеяна... У Тихого Дона нет достаточно сильных слов для выражения своих чувств, преклонения перед вашими подвигами, но есть горячая любовь и искреннее желание не словами, а делом служить вам в вашей тяжелой, святой работе...»^[27]
]

Было два человека – Богаевский и Эльснер – оба люди спокойные и уравновешенные, которые больше других работали над тем, чтобы сгладить трения между Новочеркасском и ставкой Добровольческой армии, но им это решительно не удавалось. Что касается меня лично, то, чтобы не терять душевного равновесия и не создавать самому каких-либо поводов для осложнений, я с конца июня 1918 года прекратил совершенно переписку с генералом Красновым; возобновилась она ненадолго, в силу необходимости, только после объединения командования в 1919 году. Но атаман продолжал писать пространно моим помощникам, вызывая в них не раз глубокое недоумение.

Так, в октябре 1918 года он писал генералу Драгомирову^[28]]:

«...У Вас после тяжелых боев прорвался Сорокин с отрядом, и Ваши и мои враги пустили слух, что генерал Деникин нарочно выпустил его, чтобы не дать Краснову взять Царицын. Судите сами, Абрам Михайлович, такими слухами, такими грязными сплетнями на чью мельницу мы льем воду...»

Возмущенный генерал Драгомиров 13 октября отвечал:

«...Вашим вопросом – „на чью мельницу мы льем воду“ – Вы как будто возлагаете вину на нас за эти сплетни... Неужели не ясно, что Добровольческая армия из сил выбивается, чтобы сдержать напор большевиков, значительно превышающих (ее) в силах и неизмеримо обильнее снабженных боевыми припасами? Неужели последние кровопролитные и упорнейшие бои, в коих гибли с несравненным героизмом офицерские части армии, дают кому-либо право сколько-нибудь серьезно останавливаться на приведенной Вами грязной сплетне о выпуске Сорокина? Неужели по своей доброй воле Добровольческая армия два месяца дерется изо дня в день все на тех же позициях, а города и

²⁷ Телеграмма № 10 от 18 августа 1918 г.

²⁸ № 02 без даты

станции периодически переходят из рук в руки при всех ужасах, которыми сопровождаются для жителей эти переходы?...»

Любопытно, кто же, однако, распространял «такие грязные сплетни»?

В те же дни^[29] Краснов писал в Екатеринодар донскому представителю генералу Смагину:

«... Мы ведем борьбу с восемью советскими армиями, в то время как против Добровольческой армии только одна армия – Сорокина, и та более чем наполовину выпущена против нас... Прибытие отряда Сорокина^[30] и дивизии Жлобы, не преследуемых по пятам добровольцами, и удар их в тыл нашим войскам у Царицына произвели на казаков угнетающее впечатление.

...Конечно, это письмо только тема для Вас. Оно не для огласки», – заканчивал генерал Краснов.

Я чувствую, что посвятил слишком много строк и внимания розни «белых генералов». Но это было. Внося элемент пошлости и авантюризма в общий ход кровавой и страшной борьбы за спасение России и отражаясь роковым образом на ее исходе.

²⁹ 13 октября. № 010

³⁰ Сорокин никогда не выходил к Царицыну. Как увидим ниже, в октябре против Добровольческой армии было большевистских войск 93 тысячи при 124 орудиях

Глава II. Конституция добровольческой власти. Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги

В станицах Мечетинской и Егорлыкской жила Добровольческая армия – на «чужой» территории, представляя своеобразный бытовой и военный организм, пользовавшийся полным государственным иммунитетом.

С первого же дня моего командования, без каких-либо переговоров, без приказов, просто по инерции утвердилась та неписаная конституция Добровольческой армии, которой до известной степени разграничивался ранее круг ведения генералов Алексеева и Корнилова. Генерал Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верховное управление армией и командование. За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный дуализм.

Щепетильность в этом отношении генерала Алексеева была удивительна – даже во внешних проявлениях. Помню, в мае в Егорлыкской, куда мы приехали оба беседовать с войсками, состоялся смотр гарнизону. Несмотря на все мои просьбы, он не согласился принять парад предоставив это мне и утверждая, что «власть и авторитет командующего не должны ничем умаляться». Я чувствовал себя не раз очень смущенным перед строем войск, когда старый и всеми уважаемый вождь ехал за мной. Кажется, только один раз, после взятия Екатеринодара, я убедил его принять парад дивизии Покровского, сказав что я уже смотрел ее.

В то же время на всех заседаниях, конференциях совещаниях по вопросам государственным, на всех общественных торжествах первое место бесспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу.

В начале июня, перед выступлением моим в поход генерал Алексеев переехал из Мечетинской в Новочеркасск и попал сразу в водоворот политической жизни Юга. Его присутствие там требовалось в интересах армии. Работая с утра до вечера, он вел сношения с союзниками, с политическими партиями и финансовыми кругами, налаживал, насколько мог, отношения с Доном и своим авторитетом и влиянием стремился привлечь отовсюду внимание и помощь к горячо любимой им маленькой армии.

Но временная наша разлука имела и свои отрицательные стороны. При генерале Алексееве образовался военно-политический отдел, начальником которого стал полковник генштаба Лисовой. Этот отдел был пополнен молодыми людьми, обладавшими, по-видимому, повышенным честолюбием... Вскоре началась нервнирующая переписка по мелким недоразумениям между отделом и штабом армии. Даже милейший и добродушнейший Эльснер стал жаловаться на «двоевластие» в Новочеркасске и на Лисового, который «весьма ревностно следит, не получает ли кто-либо, а главное он (Эльснер), каких-либо политических сведений помимо него. Бывали случаи и посерьезнее. Так, например, совершенно неожиданно мы прочли в газете^[31], случайно попавшей в армию, официальное уведомление от военно-политического отдела, что уполномоченными представителями армии по формированию пополнений (начальники центров) являются только лица, снабженные собственноручными письменными полномочиями генерала Алексеева... Это сообщение поставило в ложное положение меня и в роль самозванцев – начальников разбросанных повсюду по Украине и Дону центров и вербовочных бюро, которые назначались мною и руководились штабом. В архиве я нашел переписку, сви-

³¹ Вечернее время. 191 в. № 16.

детельствующую, что это сделано было самовольно «молодыми людьми». Положение осталось, конечно, прежним. По инициативе отдела и за подписью Лисового так же неожиданно появилось в газетах сообщение, вносившее серьезное изменение в «конституцию» Добровольческой армии. В этом сообщении «ввиду неправильного осведомления общества» разъяснялась сущность добровольческой иерархии, причем генерал Алексеев был назван впервые «Верховным руководителем Добровольческой армии».

Так как в моих глазах моральное главенство генерала Алексеева было и без того неоспоримым, то официальное сообщение не могло внести в жизнь армии каких-либо перемен, тем более, что практика «дуализма» осталась без ущерба. Мне казалось лишь несколько странным, что узнал я о новом положении из газет, а не непосредственно.

Об этих эпизодах я никогда не поднимал разговора с генералом Алексеевым.

Все политические сношения, внутренние и внешние, вел генерал Алексеев, пересылая мне из Новочеркасска исчерпывающие сводки личных переговоров и подлинные доклады с мест. С большинством исходивших от него лично письменных сношений я ознакомился только впоследствии. Но то взаимное доверие, которое существовало между нами, вполне гарантировало, что ни одного важного шага, изменяющего позицию Добровольческой армии, не переговорив со мною, генерал Алексеев не предпримет. И я со спокойным сердцем мог вести армию в бой.

С половины июля М. В. был опять при штабе армии – сначала в Тихорецкой, потом в Екатеринодаре, и личное общение наше устраняло возможность каких-либо трений, создаваемых извне.

Добровольческая армия сохраняла полную независимость от политических организаций, союзников и врагов. Непосредственно возле нее не было и видных политических деятелей.

Между прочим, и на Дону были попытки организации государственной власти и возглавления добровольческого движения, встретившие отпор со стороны генерала

Алексеева: Родзянко совместно с проживавшими в Ростове и Новочеркасске общественными деятелями усиленно проводил идею созыва Верховного совета из членов всех четырех дум. Присылал гонцов и в мою ставку. Писал мне о необходимости «во что бы то ни стало осуществить (эту) идею», так как «в этом одном спасение России». Но при этом, к моему удивлению, ставил «непременным условием, чтобы М. В. Алексеев был абсолютно устранен из игры»^[32]. Я ответил, что общее политическое руководство армией находится в руках М. В., к которому в следует обратиться по этому вопросу непосредственно... Алексеева я не посвятил в нашу переписку – и без того между ним и Родзянко существовали враждебные отношения.

Не было при нас и никакого кадра гражданского управления, так как армии предстояло выполнение частной временной задачи в Ставропольской губернии и на Кубани, и генерал Алексеев, вовлеченный в переговоры о создании общерусской власти за Волгой, не считал пока нужным создавать какой-либо аппарат при армии.

Мы оба старались всеми силами отгородить себя и армию от мятущихся, борющихся политических страстей и основать ее идеологию на простых, бесспорных национальных символах. Это оказалось необычайно трудным. «Политика» врывается в нашу работу, врывается стихийно и в жизнь армии.

1-й Кубанский поход оставил глубокий след в психике добровольцев, наполнив ее значительным содержанием – отзвуками смертельной опасности, жертвы и подвига. Но вместе с тем вызвал невероятную моральную и физическую усталость. Издерганные нервы, утомленное воображение требовали отдыха и покоя. Хотелось всем пожить немного человеческой жизнью, побыть в обстановке семейного уюта, не слышать ежедневно артиллерийского гула.

Искушение было велико.

³² Письмо от 7 июня

От Ростова до Киева и Пскова были открыты пути в области, где не было ни войны, ни большевиков, где у многих оставались семьи, родные, близкие. Формальное право на уход из армии было неоспоримо: как раз в эти дни (май) для большинства добровольцев кончался обязательный четырехмесячный срок пребывания в армии... Ворвавшаяся в открытое «окно» жизнь поставила к тому же два острых вопроса – об «ориентации» и «политических лозунгах». Для многих это был только повод нравственного обоснования своего ухода, для некоторых – действительно мучительный вопрос совести.

Кризис в армии принял глубокие и опасные формы.

Германофильство смутило сравнительно небольшую часть армии. Активными распространителями его в армейской среде были люди заведомо авантюристического типа: доктор Всевожский, Ратманов, Сиверс и другие, ушедшие из армии и теперь формировавшие на немецкие деньги в Ростове и Таганроге какие-то «монархические отряды особого назначения», Панченко, издававший грубые, демагогические «бюллетени», чрезмерно угодливые и рассчитанные на слишком невежественную среду; в них, например, создавшиеся между Германией и Россией отношения объяснялись как результат «агитации наших социалистов, ибо главным врагом (своим) они почему-то считали императора Вильгельма, которого мировая история справедливо назовет Великим»^[33]. Немецкие деньги расходовались широко, но непроизводительно. Впрочем, иногда цели достигали: начальником самого ответственного разведочного узла Добровольческой армии в Ростове какими-то непостижимыми путями оказался некто «полковник Орлов»^[34], состоявший агентом немецкой контрразведки и членом организации Всевожского...

Влияние более серьезное оказывали киевские германофильские круги. Но и они не могли побороть прочно установившиеся взгляды военной среды, находя отклик главным образом в той части офицерства, которая либо искала поводов «выйти из бойни», либо использовала немецкие обещания в качестве агитационного материала против командования.

Несравненно труднее обстоял вопрос с лозунгами.

«Великая, Единая и Неделимая Россия» – говорило уму и сердцу каждого отчетливо и ясно. Но дальше дело осложнялось. Громадное большинство командного состава и офицерства было монархистами. В одном из своих писем^[35] генерал Алексеев определял совершенно искренне свое убеждение в этом отношении и довольно верно офицерские настроения:

«... Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целостность, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонялись от этого основного принципа»^[36].

Но в мае – июне настроение офицерства под влиянием активных правых общественных кругов было значительно сложнее. Очень многие считали необходимым немедленное официальное признание в армии монархического лозунга. Это настроение проявлялось не только внешне в демонстративном ношении романовских медалей, пении гимна и т. п., но и в некотором брожении в частях и... убыли в рядах армии. В частности, появились офицеры-агитаторы, склонявшие добровольцев к участию в тайных организациях; в своей работе они злоупотреб-

³³ Курсив подлинника

³⁴ Как выяснилось впоследствии – человек с темным прошлым по имени И. В. Добровольский

³⁵ Письмо к генералу Щербачеву от 31 июля 1918 г.

³⁶ я предпочитаю изобразить взгляд М. В. его собственными словами и утверждаю, что этот взгляд был присущ ему во всех стадиях нашей совместной деятельности на юге России

ляли и именем великого князя Николая Николаевича. Меня неприятно удивила однажды сцена во время военного совета перед походом: Марков резко отозвался о деятельности в армии монархических организаций, Дроздовский вспылил:

– Я сам состою в тайной монархической организации... Вы недооцениваете нашей силы и значения...

В конце апреля в обращении к русским людям я определил политические цели борьбы Добровольческой армии^[37]. В начале мая мною, с ведома генерала Алексеева, был дан наказ представителям армии, разосланным в разные города, для общего руководства:

II. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.

III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства.

IV. Никаких сношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых.

V. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности Русского государства, и на началах, указанных в 1914 году русским верховным главнокомандующим».

Оба эти обращения нашли живой отклик, но... не совсем сочувственный.

Офицерство не удовлетворялось осторожным «умолчанием» Алексеева – формулой, которая гласно не расшифровывалась, разделялась многими старшими начальниками и в цитированном мною выше письме^[38] была высказана вполне откровенно:

«...Добровольческая армия не считает возможным теперь же принять определенные политические лозунги ближайшего государственного устройства, признавая, что вопрос этот недостаточно еще назрел в умах всего русского народа и что преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач».

Еще менее, конечно, могло удовлетворить офицерство мое «непредрешение» и в особенности моя декларация с упоминанием об «Учредительном собрании» и «народоправстве». Начальники бригад доложили мне, что офицерство смущено этими терминами... Такое же впечатление произвели они в другом крупном центре противобольшевистского движения – Киеве. Генерал Лукомский писал мне в то время^[39]:

«... Я глубоко убежден, что это воззвание вызовет в самой армии и смущение, и раскол. В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука об руку. Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что поправление произошло громадное. Что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускает, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы. Вам необходимо высказаться более определенно и ясно...»

³⁷ Декларация от 23 апреля

³⁸ Алексеева к Щербачеву

³⁹ 14 мая 1918 г.

Милюков сообщал ЦК партии в Москву, что он «вступил уже в сношения с генералом Алексеевым, чтобы убедить его обратить Добровольческую армию на служение этой задаче...»^[40]. А князь Г. Трубецкой несколько позже в своем донесении «Правому центру» недоумевал: «... как все переменялось! Ведь, как это ни дико, но для штаба Добровольческой армии, например, позиция Милюкова слишком правая, ибо они все еще не отделались от полинявших побрякушек, вроде Учредительного собрания, и не высказались еще за монархию»^[41].

Атмосфера в армии сгушалась, и необходимо было так или иначе разрядить ее. Дав волю тогдашним офицерским пожеланиям, мы ответили бы и слагавшимся тогда настроениям значительных групп несоциалистической интеллигенции, но рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством, тогда не только не склонным к приятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей.

Мы решили поговорить непосредственно с офицерами.

В станичном правлении в Егорлыкской были собраны все начальники, до взводного командира включительно. Мы не сговаривались с генералом Алексеевым относительно тем беседы, но вышло так, что он говорил о немцах, а я о монархизме.

В пространной речи генерал Алексеев говорил о немцах, как о «враге – жестоком и беспощадном», таком же враге, как и большевики^[42]. ... Об их нечестной политике, об экономическом порабощении Украины. ... О колоссальных потерях немцев, об истощении духовных и материальных сил германской нации, о малых шансах ее на победу. ... О Восточном фронте. ... О том будущем, которое сулит России связь с Германией: «политически – рабы, экономически – нищие. ...» Словом, обосновал два наши положения:

- 1) Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен.
- 2) Пока – ни мира, ни войны.

Я сказал кратко и резко:

– Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны или мира, монархии или республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача – борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополчение, с которым теперь идут переговоры и которое вовсе не желает монархии, усилило Красную армию в предстоящем нашем походе? Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?

Хорошо – монархический флаг. Но за этим последует естественно требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца – греческого принца. Что же, и этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход – вера в своих руководителей. Кто верит нам – пойдет с нами, кто не верит – оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии

⁴⁰ Объединение России путем контакта с немцами и восстановление конституционной монархии. Письмо 7 мая 1918 г.

⁴¹ 30 июля 1918 г.

⁴² Показательно, что из рядов послышалась произнесенная каким-то хмурым полковником фраза: «Да, но это враг – культурный...»

расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными.

Мои взгляды в отношении «политических лозунгов» несколько расходились с алексеевскими: генерал Алексеев принял формулу умолчания – отнюдь, конечно, не по двоедушию. Он не предусматривал насильственного утверждения в стране монархического строя, веря, что восприятие его совершится естественно и безболезненно. У нас – мои взгляды разделяли всецело Романовский и Марков – не было такой веры. Мы стояли поэтому совершенно искренне на точке зрения более полного непредреждения государственного строя.

Я говорил об этом открыто всегда. В начале – так же, как и в конце своего командования. Через полтора года на Верховном Круге в Екатеринодаре мне опять придется коснуться этого вопроса^[43] :

«...Счастье Родины я ставлю на первом плане. Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления – я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в массе желает той или другой власти. И поверьте, все ваши предреждения праздны. Народ сам скажет, чего он хочет. И скажет с такой силою и с таким единодушием, что всем нам – большим и малым законодателям – придется только преклониться перед его державной волей».

Как бы то ни было, два основных положения – непредреждение формы государственного строя и невозможность сотрудничества с немцами – фактически нами были соблюдены до конца. Помню только два случая некоторого колебания, испытанного генералом Алексеевым... В конце августа или начале сентября, будучи с армией в походе, я получил от него письмо; под влиянием доклада адмирала Ненюкова генерал Алексеев высказывал взгляд относительно возможности войти в соглашение с германским морским командованием по частному поводу включения наших коммерческих судов Новороссийского порта в общий план черноморских рейсов, организуемых немцами. Предложение исходило от генерала Гофмана и являлось, очевидно, первым шагом к более тесным отношениям с австро-германцами. Генерал Алексеев пожелал знать мое мнение. Я ответил отрицательно, и вопрос заглох. Другой раз в Екатеринодаре я получил очередной доклад «Азбуки» с ярким изображением нарастающего монархического настроения и с указанием на непопулярность Добровольческой армии, не выносящей открыто монархического лозунга... На докладе была резолюция генерала Алексеева в таком смысле: «Надо нам, наконец, решить этот вопрос, Антон Иванович, – так дальше нельзя». Я зашел в тот же день с Романовским к генералу Алексееву.

– Чем объяснить изменение ваших взглядов, Михаил Васильевич? Какие новые обстоятельства вызвали его? Ведь настроение Дона, Кубани, ставропольских крестьян нам хорошо известно и далеко не благоприятно идее монархии. А про внутреннюю Россию мы ровно ничего не знаем...

Резолюция, по-видимому, была написана под влиянием минуты. Михаил Васильевич переменял разговор, и более этой темы до самой его смерти мы не касались.

Возвращаюсь к егорлыцкому собранию.

⁴³ Речь 16 января 1920 г.

После моей речи генерал Марков попросил слова и от имени своей дивизии заявил, что «все они верят в своих вождей и пойдут за ними». То же сделал Эрдели^[44].

Мы ушли с собрания, не вынеся определенного впечатления об его результатах. Но к вечеру Марков, успевший поговорить со многими офицерами, сказал:

– Отлично. Теперь публика поуспокоилась.

⁴⁴ В Егорлыкской стояли только 1-я (Марков) и конная (Эрдели) дивизии, 2-я дивизия (Боровский) – в Мечетинской и 3-я (Дроздовский) была еще в Новочеркасске

Глава III. Внутренняя жизнь Добровольческой армии: традиции, вожди и воины. Генерал Романовский. Кубанские настроения. Материальное положение. Сложение армии

Тяжело было налаживать и внутренний быт войск. Принцип добровольчества, привлекая в армию элементы стойкие и мужественные, вместе с тем создавал несколько своеобразные формы дисциплины, не укладывавшиеся в рамки старых уставов. Положение множества офицеров на должности простых рядовых изменяло характер взаимоотношений начальника и подчиненного; тем более, что сплошь и рядом благодаря новому притоку укомплектования рядовым бывал старый капитан, а его ротным командиром – подпоручик. Совершенно недопустимо было ежедневно менять начальников по приходе старших. Доброволец, беспрекословно шедший под огонь и на смерть, в обыкновенных условиях – на походе и отдыхе – не столь беспрекословно совершал не менее трудный подвиг повиновения. Добровольцы были морально прикреплены к армии, но не юридически. Создался уклад, до некоторой степени напоминавший удельно-вечевой период, когда «дружинники, как люди вольные, могли переходить от одного князя на службу другому».

Не менее трудно было установить правильные отношения со старшими начальниками. Необычные условия формирования армии и ее боевая жизнь создавали некоторым начальникам наряду с известностью вместе с тем какой-то своеобразный служебный иммунитет. Не Кубанская Рада, а генерал Покровский благодаря личному своему влиянию собрал и привел в армию бригаду (потом дивизию) кубанских казаков, вооруженную и даже хорошо сколоченную за время краткого похода. И когда кубанское правительство настойчиво просило устранить его с должности, выдвигая не слишком обоснованное обвинение в безотчетном израсходовании войсковых сумм в бытность его командующим войсками, явилось большое сомнение в целесообразности этого шага...

Своим трудом, кипучей энергией и преданностью национальной идее Дроздовский создал прекрасный отряд из трех родов оружия и добровольно присоединил его к армии. Но и оценивал свою заслугу не дешево. Позднее, как-то раз обиженный замечанием по поводу неудачно проведенной им операции, он писал мне: «...Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а может быть, и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней (мне), пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне...»^[45]

Рапорт Дроздовского – человека крайне нервного и вспыльчивого – заключал в себе такие резкие и несправедливые нападки на штаб и вообще был написан в таком тоне, что, в видах поддержания дисциплины, требовал новой репрессии, которая повлекла бы, несомненно, уход Дроздовского. Но морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами. Так же восприняли бы этот факт и в 3-й дивизии... Принцип вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я, переживая остро этот эпизод, поделился своими мыслями с Романовским.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, вопрос уже исчерпан.

– Как?

⁴⁵ 27 сентября. № 027.

– Я написал вчера еще Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его командующему я не мог.

– Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову...

– Это не важно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости, раздражении. Теперь, поуспокоившись, сам, наверно, рад такому исходу.

Прогноз Ивана Павловича оказался правильным: вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел часто 3-ю дивизию и Дроздовского. Последний был корректен, исполнителен и не говорил ни слова о своем рапорте. Но слухи об этом эпизоде проникли в армию и дали повод клеветникам чернить память Романовского:

– Скрывал правду от командующего!..

Высокую дисциплину в отношении командования проявляли генерал Марков и полковник Кутепов. Но и с ними были осложнения... Кутепов на почве брожения среди гвардейских офицеров, неудовлетворенных «лозунгами» армии, завел речь о своем уходе. Я уговорил его остаться. Марков после одной небольшой операции в окрестностях Егорлыкской, усмотрел в сводке, составленной штабом, неодобрение его действиям, прислал мне рапорт об увольнении своем от службы. Разве возможен был уход Маркова? Генерала легендарной доблести, который сам в боевом активе армии был равноценен дивизии... Поехал Иван Павлович в Егорлыкскую к своему близкому – еще со времен молодости – другу извиняться за штаб...

Подчинявшиеся во время боевых операций всецело и безотказно моим распоряжениям, многие начальники с чрезвычайной неохотой подчинялись друг другу, когда обстановка требовала объединения групп. Сколько раз впоследствии приходилось мне командовать самому на частном фронте в ущерб общему ведению операции, придумывать искусственные комбинации или предоставлять самостоятельность двум-трем начальникам, связанным общей задачей.

Приказ, конечно, был бы выполнен, но... неискренне, в несомненный ущерб делу.

Так шли дни за днями, и каждый день приносил с собою какое-нибудь новое осложнение, новую задачу, предъявляемую выбитой из колеи армейской жизнью. Выручало только одно: над всеми побуждениями человеческими у начальников в конце концов все же брало верх чувство долга перед Родиной.

Особое положение занимал И. П. Романовский. Я не часто упоминаю его имя в описании деятельности армии. Должность начальника штаба до известной степени обезличивает человека. Трудно разграничить даже и мне степень участия его в нашей идейной работе по направлению жизни и операций армии при той интимной близости, которая существовала между нами, при том удивительном понимании друг друга и общности взглядов стратегических и политических.

Романовский был деятельным и талантливым помощником командующего армией, прямолинейным исполнителем его предначертаний и преданным другом. Другом, с которым я делил нравственную тяжесть правления и командования и те личные переживания, которые не выносятся из тайников души в толпу и на совещания. Он платил таким же отношением. Иногда – в формах трогательных и далеко не безопасных. «Иван Павлович имел всегда мужество, – говорит один из ближайших его сотрудников по штабу, – принимать на себя разрешение всех, даже самых неприятных вопросов, чтобы оградить от них своего начальника».

Генерал Романовский был вообще слишком крупной величиной сам по себе и занимал слишком высокое положение, чтобы не стать объектом общественного внимания.

В чем заключалась тайна установившихся к нему враждебных отношений, которые и теперь еще прорываются дикой, бессмысленной ненавистью и черной клеветой? Я тщательно и настойчиво искал ответа в своих воспоминаниях, в письменных материалах, оставшихся от того времени, в письмах близких ему людей, в разговорах с соратниками, в памфлетах недругов... Ни одного реального повода – только слухи, впечатления, подозрительность.

Служебной деятельностью начальника штаба, ошибками и промахами нельзя объяснить создавшегося к нему отношения. В большом деле ошибки неизбежны. Было ведь много учреждений, несравненно более «виновных», много грехов армии и властей, неизмеримо более тяжелых. Они не воспринимались и не осуждались с такой страстностью.

Но стоит обратить внимание, откуда исключительно шли и идут все эти обвинения, и станет ясным их чисто политическая подкладка. Самостоятельная позиция командования, не отдававшего армии в руки крайних правых кругов, была причиной их вражды и поводом для борьбы – теми средствами, которые присущи крайним флангам русской общественности. Они ополчились против командования и прежде всего против генерала Алексеева, который представлял политическую идеологию армии.

Для начала они слагали только репутации.

Самый благородный из крайних правых граф Келлер, рыцарь монархии и династии, человек прямой и чуждый интриги, но весьма элементарного политического кругозора, искренне верил в легенду о «мятежном генерал-адъютанте», когда писал генералу Алексееву: «Верю, что Вам, Михаил Васильевич, тяжело признаться в своем заблуждении; но для пользы и спасения родины и для того, чтобы не дать немцам разрознить последнее, что у нас еще осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично все же приписываю любви Вашей к России и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законного царя...»

Руководители Астраханской армии еще летом 18 года говорили представителям «Правого центра»: «В Добровольческой армии должна быть произведена чистка... В составе командования имеются лица, противящиеся по существу провозглашению монархического принципа, например, генерал Романовский...»

«Относительно Добровольческой армии, – сообщала нам организация Шульгина, – Совет монархического блока решил придерживаться такой тактики: самой армии не трогать, а при случае даже подхваливать, но зато всемерно, всеми способами травить и дискредитировать руководителей армии. На днях правая рука герцога Г. Лейхтенбергского Акацатов в одном доме прямо сказал, что для России и дела ее спасения опасны не большевики, а Добровольческая армия, пока во главе ее стоит Алексей, а у последнего имеются такие сотрудники, как Шульгин...» Такая политика «правых большевиков», по выражению «Азбуки», приводила в смущение даже просто правых. Александр Бобринский на днях говорил: «Я боюсь не левых, а крайних правых, которые, еще не победив, проявляют столько изуверской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно...»

Такое же настроение создавалось в соответственных кругах, группировавшихся в армии и возле армии, и такая же тактика применялась ими.

Как составлялись репутации в армии, или, вернее, для армии, об этом свидетельствует письмо ко мне генерала Алексеева, относящееся к этому периоду^[46]: в заседании донского правительства (24–25 июня) атаман, по словам М. В., заявил: «Ему достоверно известно, что в армии существует раскол – с одной стороны, дроздовцы, с другой – алексеевцы и деникинцы. Дроздовцы будто бы определенно тянут в сторону „Юго-Восточного союза“... В той группе, которую Краснов называет общим термином „алексеевцы и деникинцы“, тоже, по его мнению, идет раскол; я числюсь монархистом, это заставляет будто бы некоторую часть офицерства тяготеть ко мне; Вы же, а в особенности Иван Павлович, считаетесь определенными республиканцами и чуть ли не социалистами. Несомненно, это отголоски, как я полагаю, наших разговоров об Учредительном собрании...»

⁴⁶ От 26 июня. № 59

Человек серьезный, побывавший в Киеве и имевший там общение со многими военными и общественными кругами, говорит о вынесенных оттуда впечатлениях^[47]:

«В киевских группах создалось неблагоприятное и притом совершенно превратное мнение о Добровольческой армии. Более всего подчеркивают социалистичность армии... Говорят, что идеалами армии является Учредительное собрание, притом прежних выборов... что Авксентьев, Чернов, пожалуй, Керенский и прочие господа – вот герои Добровольческой армии, но мы ведь знаем, что можно ждать от них...»

Атака пошла против всего высшего командования. Но силы атакующих были еще слишком ничтожны, а авторитет генерала Алексеева слишком высок, чтобы работа их могла увенчаться серьезным успехом. С другой стороны, крепкая связь моя с основными частями армии и неизменные боевые успехи ее делали, вероятно, дискредитирование командующего нецелесообразным и, во всяком случае, нелегким... Главный удар поэтому пришелся по линии наименьшего сопротивления.

От времени до времени в различных секретных донесениях, в которых описывались настроения армии и общества, ставилось рядом с именем начальника штаба сакраментальное слово «социалист». Нужно знать настроение офицерства, чтобы понять всю ту тяжесть обвинения, которая ложилась на Романовского. Социалист – олицетворение всех причин, источник всех бед, стряпшихся над страной... В элементарном понимании многих в этом откровении относительно начальника штаба находили не раз объяснения все те затруднения, неудачи, неурядицы, которые сопутствовали движению армии и в которых повинны были судьба, я, штаб, начальники или сама армия. Даже люди серьезные и непредубежденные иногда обращались ко мне с доброжелательным предупреждением:

- У вас начальник штаба – социалист.
- Послушайте, да откуда вы взяли это, какие у вас данные?
- Все говорят.

Слово было произнесено и внесло отраву в жизнь.

Затем началась безудержная клевета.

Только много времени спустя я мог уяснить себе всю глубину той пропасти, которую рыли черные руки между Романовским и армией.

Обвинения были неожиданны, бездоказательны, нелепы, всегда безличны и поэтому трудно опровержимы. «Мне недавно стало известным, – говорит генерал, непосредственно ведавший организационными вопросами, – что еще в 1918 году готовилось покушение на Ивана Павловича за то, что он якобы противодействовал формированию одной из Добровольческих дивизий...» Ну можно ли это изобрести про начальника штаба, только и думающего о развитии мощи армии и больше всего о добровольцах?.. Один из друзей Романовского, бывший и оставшийся монархистом и правым, описывает ту «атмосферу интриг», которая охватила его осенью 18 года, когда он приехал в Екатеринодар: «Многие учли мой приезд – человека, близкого к Ивану Павловичу, как могущего влиять на него, и стали внушать мне, что он злой гений Добровольческой армии, ненавистник гвардии, виновник гибели лучших офицеров под Ставрополем... С мыслью влиять через меня на Ивана Павловича, а следовательно, и на командующего армией расстались не сразу. И месяца два моя скромная квартира не раз посещалась людьми, имевшими целью убедить меня, какой талантливый и глубоко государ-

⁴⁷ Доклад полковника Крейтера от 18 сентября

ственный человек Кривошеин и т. д. Посещения эти резко оборвались, как только убедились в несклонности моей к политической интриге...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.